

Дун Чэн молчал. Спустя некоторое время он наконец произнес:

— На самом деле тебе не стоило этого делать. Раз уж я подписал соглашение, Хэ...

Не дослушав, Линь Сэнь перебил его:

— Дун Чэн, тактика отступления ради наступления работает не всегда.

Дун Чэн промолчал.

Линь Сэнь продолжил:

— Я слишком многого хочу, меня даже можно назвать нерешительным. Я хочу помочь тебе, но боюсь гнева Тинвэя. Это самый компромиссный вариант, на который я способен. Если ты снова откажешься, я последую твоим словам и возьму всё сказанное обратно.

— Ты... — Дун Чэн запнулся, вновь ощущая ту же манеру общения, что была между ними прежде. — Ты не мог бы не быть таким прямолинейным каждый раз, когда говоришь со мной?

Линь Сэнь ответил:

— А я бы хотел, чтобы ты был со мной более прямолинейным.

Дун Чэн не сразу нашелся с ответом. Он убрал телефон от уха, уставился на экран и, лишь когда секунды сменились с сорок пятой на пятьдесят пятую, не спеша произнес:

— Давай в эти выходные. Я попрошу Ду И дать тебе отгул.

Как только он положил трубку, Хайбао бросился к нему:

— Линь Сэнь клюнул?

Дун Чэн кивнул, убрал телефон в сумку и спрятал руки в карманы брюк:

— С Линь Сэнем всё решено. Свяжись с Ду И, расскажи ему, что здесь намечается кое-что интересное, и спроси, не хочет ли он вмешаться.

Задача по совместному проживанию с Линь Сэнем была практически выполнена, пора было готовиться к следующему этапу.

Время за работой летело незаметно, и вот уже наступил день, когда Дун Чэн и Линь Сэнь договорились осмотреть жилье.

В последнее время Линь Сэнь постоянно следил за Дун Чэном. Он знал, что тот из-за

загруженности на работе не успевает искать дом и вынужден то ночевать в гостиницах, то коротать ночи в офисе. Как раз приближался день рождения Дун Чэна, и Линь Сэню пришла в голову мысль подарить ему квартиру.

Поначалу он действительно хотел просто сделать подарок.

Но когда он заранее приехал в город У и провел несколько вечеров с Дун Чэном, то заметил, что тот не может уснуть в полной тишине. Спрашивать об этом напрямую он не решился, поэтому разузнал всё у ассистента Дун Чэна.

Тот ответил:

— Господин Дун в детстве пережил не несчастный случай, а похищение. У него психологическая травма, он боится оставаться один в комнате. Даже когда спит в офисе, он включает видео на полную громкость, чтобы заснуть.

Поэтому во время просмотра квартиры Линь Сэнь сам предложил переехать к нему:

— Я всё равно большую часть времени провожу вне дома, мне неважно, где жить.

Дун Чэн приподнял бровь:

— Как хочешь. Только постарайся скрыть это от Хэ Тинвэя, если получится. Будем считать, что у меня просто появилось еще одно место для ночлега.

Линь Сэнь кивнул в знак согласия, хотя в душе промелькнула мысль: «Чем дальше, тем больше это похоже на тайный роман...»

В отличие от прошлого раза, когда совместное проживание предложил Дун Чэн, теперь решение принял сам Линь Сэнь. С того дня, как он переехал, выполнение задачи по совместному проживанию стало лишь вопросом времени. Дун Чэн перестал ломать над этим голову и целиком погрузился в проект.

Хотя они жили под одной крышей, оба были заняты, виделись редко, и, кроме Ду И, помогавшего с покупкой жилья, и ассистента Дун Чэна, никто не знал об их общении.

Так продолжалось три года. Когда Система оповестила Дун Чэна о выполнении задачи, Чу Цзинъи понял, что Линь Сэнь так долго водил его за нос. Испытывая гнев, он одновременно осознал, что так продолжаться не может.

За эти три года Дун Чэн не только скрытно завершил задачу по совместному проживанию с Линь Сэнем, но и вдохнул жизнь в проект, который в оригинальном сюжете был обречен на провал. Тот стал важнейшим делом Тяньян в этом году, и положение Дун Чэна в компании стремительно взлетело. Это вызывало у Чу Цзинъи, тоже мужчины, некоторую зависть.

Впрочем, это чувство длилось лишь мгновение. Он решил, что винить себя не в чем: его амплуа — избалованный наследник, ему достаточно пристроиться к будущему магнату Хэ Тинвэю, зачем так надрываться ради собственного бизнеса?

К тому же за эти три года он не сидел сложа руки. Он не только использовал знания о будущем сюжете, чтобы наладить для Хэ Тинвэя множество сделок, позволив тому сравняться по влиянию с Дун Чэном, но и нашел режиссера, которая помогла Линь Сэню в трудные времена.

В оригинальной истории Линь Сэнь смог вернуться в индустрию развлечений не только благодаря Хэ Тинвэю, но и благодаря этой женщине-режиссеру по имени Ли Я. Она не придала значения его репутации гомосексуала и совместно с США сняла фильм о дружбе. В Китае его так и не показали, зато Линь Сэнь прославился в Америке...

Свести Линь Сэня с ней было одной из пяти задач Чу Цзинъи по продвижению.

Однако Ли Я прославилась очень поздно, и на данный момент она была лишь начинающим режиссером без громких работ и известности. Выудить такого человека из мира вне сюжета было непросто.

Чу Цзинъи потратил немало сил, чтобы найти Ли Я, а затем вложил огромные средства, чтобы раскрутить ее. За три года она уже успела завоевать неплохую репутацию.

Теперь, если он подставит Линь Сэня, который был в шаге от звания кинозвезды, и выдвинет вперед Ли Я, он не только выполнит собственную задачу, но и разом разрушит два задания Дун Чэна.

Чем больше Чу Цзинъи думал об этом, тем больше торжествовал. Он отправил Хэ Тинвэю сообщение: — Выпьем вечером?

Хэ Тинвэй перезвонил только к вечеру, ближе к ужину, и сразу начал с того, что был занят:

— Давай обсудим всё по телефону, в последнее время я ужасно занят.

Чу Цзинъи, проявив понимание, не стал настаивать на встрече и изложил свой план.

Собеседник на том конце провода взорвался:

— Что ты имеешь в виду? У Линь Сэня сейчас всё хорошо, почему я должен ему вредить?

Чу Цзинъи, который еще до Дун Чэна понял, что чувства Хэ Тинвэя к Линь Сэню не так просты, сначала успокоил его, а затем принялся объяснять:

— С чего ты взял, что я хочу навредить Деревяшке? Я просто хочу помочь тебе. У Деревяшки сейчас всё слишком хорошо, у него есть всё. Он просто не замечает тебя.

— Но ты предлагаешь мне выманить его и снять такое... Как он после этого будет работать в индустрии? Он ведь по-настоящему любит актерство, чем это отличается от убийства? Когда он узнает правду, он возненавидит меня.

Чу Цзинъи ответил:

— Ну почему ты такой непонятливый? Какие у меня отношения с Деревяшкой? Если бы я не был уверен на сто процентов, что смогу вернуть его, стал бы я предлагать тебе такое? — Сказав это, он потер нос, сдерживая внутреннее раздражение. Впервые он подумал, что такая сильная привязанность Хэ Тинвэя к Линь Сэню — не к добру. Он решил сменить тему и заговорил о компании, в которую они с Хэ Тинвэем инвестировали два года назад.

В будущем сюжете эта компания станет гигантом индустрии. Он убедил Хэ Тинвэя всеми силами поддерживать ее, и за два года они неплохо заработали.

Однако недавно в отчетности компании возникли проблемы, не хватало оборотных средств, и руководство постоянно связывалось с Чу Цзинъи, надеясь на его помощь.

Чу Цзинъи посчитал, что помочь необходимо, и поделился своими соображениями с Хэ Тинвэем.

Ранее тот уже сталкивался с этой проблемой и считал, что нужно выводить активы, но после того как Чу Цзинъи все разложил по полочкам, а также учитывая, что за последние два года его советы, какими бы странными они ни казались, всегда приносили успех, Хэ Тинвэй проникся к нему необъяснимым доверием. Если дело не касалось Линь Сэня, он верил ему безоговорочно.

Хэ Тинвэй кивнул:

— Я разберусь с этим, не переживай.

Тем временем в квартире, где жили Линь Сэнь и Дун Чэн, последний узнал от Ду И, что фильм Линь Сэня, снятый в прошлом году, номинирован на кинофестиваль, и Ду И ручался, что тот обязательно возьмет награду.

Возвращаясь из компании, Дун Чэн заехал в супермаркет. Когда он вошел в дом, нагруженный пакетами с продуктами, Линь Сэнь, лежавший на диване, тут же вскочил, чтобы помочь.

— Что случилось? Почему ты вдруг купил столько всего?

Дун Чэн ничуть не стесняясь, передал ему всю кладь и улыбнулся, как лис, укравший добычу:

— Угадай?

Линь Сэнь взвесил пакеты в руке — они оказались довольно тяжелыми. Если уж такая занятая «лисичка» потратила время и силы на покупку всего этого, а потом еще будет крутиться на кухне, значит, повод для праздника действительно серьезный.

Линь Сэнь предположил:

— Неужели господин Хэ снова подкинул какую-то работу?

— Пф-ф! — Дун Чэн снял пиджак и галстук. — Ты такой же поверхностный, как и все остальные снаружи, — бросил он, направляясь на кухню.

Линь Сэнь с улыбкой последовал за ним, ожидая продолжения.

Дун Чэн не стал церемониться, сорвал со стула фартук, надел его, а второй протянул Линь Сэню:

— Я знаю, что держу в руках важнейший проект Тяньян в этом году, и многие готовы позеленеть от зависти.

— Но кто знает, что чем больше власти, тем больше хлопот? Я не завидую, но посмотри на мои глаза.

Дун Чэн повернулся и оттянул нижнее веко:

— Они и правда стали как у кролика.

Линь Сэнь рассмеялся, отставил пакеты и потянулся, чтобы взъерошить его волосы, но Дун Чэн шлепнул его по руке:

— В пакетах рыба, от нее пахнет тинной, не трогай меня.

— Хорошо, не буду. — Линь Сэнь, глядя на взъерошенную лисичку, с трудом сдерживал смех. Он повязал фартук, снова поднял пакеты и подошел к раковине. — Раз это не празднование превращения в кролика, то что тогда?

Дун Чэн фыркнул:

— Больше не хочу говорить.

— Моя вина, моя вина. — Линь Сэнь повернулся к нему, глядя с нескрываемой нежностью. — Расскажешь?

Честно говоря, даже спустя три года совместной жизни Дун Чэн всё еще не до конца привык к тому, как Линь Сэнь на него смотрит. Это казалось странным, но он не мог понять, в чем

именно дело — ведь Линь Сэнь вел себя вполне обычно, если не считать излишней нежности во взгляде.

Поэтому он просто делал вид, что не замечает, и притворялся, что его уже задобрили. Он нехотя выкладывал то, о чем его просили, изображая капризного, но легко отходчивого ребенка.

Вскоре Линь Сэнь узнал о фильме от Ду И. Нельзя сказать, что это не было сюрпризом, но еще больше его радовало отношение Дун Чэна к этому событию.

Слегка улыбнувшись, Линь Сэнь сказал Дун Чэну:

— Если бы не ты, я бы не дошел до сегодняшнего дня.

Дун Чэн, уже привыкший к нему, не стал скромничать и энергично кивнул, орудуя кухонной утварью:

— Обязательно. Сегодня готовлю я, а когда получишь награду — с тебя.

Линь Сэнь обернулся, держа в руках рыбу, которую чистил, и ослепительно улыбнулся:

— Идет! Хоть всю жизнь буду готовить.

Дун Чэн: «...»

Он отвернулся, якобы что-то доставая, и отвел взгляд — то странное чувство снова вернулось.

К счастью, эмоции Линь Сэня быстро приходили и уходили, и он скоро стал прежним, позволив Дун Чэну спокойно доесть ужин.

Вечером они, как обычно, устроились на диване: Линь Сэнь читал сценарий, Дун Чэн занимался делами компании на ноутбуке. Спустя час зазвонил телефон Дун Чэна.

Линь Сэнь рефлекторно поднял голову, краем глаза заметив иероглиф «Цзян» на экране, а Дун Чэн уже вышел на балкон.

Хотя они жили вместе, оба оставляли друг другу достаточно личного пространства. Линь Сэнь, увидев, что Дун Чэн встал, сознательно ушел на кухню. Когда он вернулся с двумя стаканами мангового сока, разговор еще не был окончен. Чистый голос Дун Чэна доносился с балкона, и в нем изредка проскальзывали знакомые Линь Сэню слова: «Хэ Тинвэй» и название компании, с которой тот сейчас сотрудничал.

Веки Линь Сэня дернулись, возникло дурное предчувствие. Он хотел подойти и спросить, о чем

они говорят, но подумал, что это их дела, и не решился.

Когда он перестал терзаться сомнениями, Дун Чэн уже закончил разговор. Он обернулся: в одной руке телефон, другая в кармане, лунный свет падал на него, скрывая лицо в тени и делая его силуэт неестественно длинным. На мгновение Линь Сэню показалось, что этот Дун Чэн — совершенно чужой человек.

— Что с тобой?

Дун Чэн, увидев подошедшего Линь Сэня, невольно приподнял бровь.

— Ничего, всё в порядке. — Линь Сэнь посмотрел на стоящего вплотную Дун Чэна, хотел что-то сказать, но промолчал и лишь натянуто улыбнулся. — Просто внезапно вспомнил тот сериал, в котором мы снимались.

Твое выражение лица сейчас — точь-в-точь как тогда.

...

(Тяньцзинь)

13. Третьесортный бог-мужчина <Тринадцать>

?Дун Чэн, закончив умываться, только забрался в кровать, как Хайбао внезапно подскочил, в ужасе глядя на него.

Сонливость Дун Чэна как рукой сняло. Он схватил Хайбао, погладил его по спине, успокаивая:

— Что случилось?

Хайбао мелко дрожал, ничего не говоря, лишь молча протянул телефон.

Дун Чэн с сомнением посмотрел на него, взял аппарат. На экране была переписка с кем-то.

Городской лес: Я знаю, кто ты, мастер.

Хайбао: А?

Городской лес: Ты — Дун Чэн, я всегда это знал.

Хайбао: Ха-ха-ха-ха, тот Дун Чэн, который император из «Коварства»? Я даже рисовал фан-арт с ним и Линь Сэнем. Ты правда веришь, что реальный человек может творить такое? Иди поспи, малыш.

Городской лес: У меня есть доказательства.

Хайбао: ҃(҃_҃)҃ Это не я.

Городской лес прислал IP-адрес: Это адрес, с которого ты чаще всего заходишь. Я проверил, это район XX, кажется, Линь Сэнь тоже там живет?

Хайбао: Что тебе нужно?

Городской лес: Я давно тебя люблю. Хочу встретиться.

На этом диалог закончился. Хайбао больше не отвечал, а «Городской лес» ничего не писал. Но последняя фраза была показательна: раз он знает, что Линь Сэнь живет здесь, значит, его слова, скорее всего, правда.

— Ты был слишком неосторожен!

Дун Чэн отчитал Хайбао, нахмурившись. Он никак не ожидал, что за три года подготовки, когда до финала оставался один шаг, произойдет такая неприятность.

Хайбао сжался в комок, не смея произнести ни слова.

Дун Чэн посмотрел на ID, затем быстро проглядел остальные сообщения. На самом деле, даже если раскроется, что владелец этого аккаунта — он, максимум, люди подумают, что он влюблен в Линь Сэня. Но для самого Линь Сэня это станет настоящей катастрофой.

Мужчина-сожитель, который к тому же питает к нему чувства — сколько простора для фантазии у репортеров!

Линь Сэнь ни в коем случае не должен пострадать в этот критический момент.

Дун Чэн потер виски и быстро ответил: «Хорошо, я согласен встретиться».

«Городской лес», будто только этого и ждал, тут же прислал время и место. Дун Чэн немедленно приказал Хайбао отследить IP, но результат не порадовал: «Городской лес» заходил из интернет-кафе. Когда люди Дун Чэна приехали туда, его уже и след простыл.

В глазах Дун Чэна вспыхнул гнев, он впился взглядом в ID на экране.

Лучше бы ему действительно хотеть только увидеть его, иначе...

Встреча была назначена через полмесяца, днем, в новом баре. По слухам, его открыл актер, ушедший со сцены. Подготовившись и взяв с собой всех телохранителей, Дун Чэн вовремя

появился у входа.

Улица, где только что подрезали деревья, была наполнена ароматом древесного сока, но сейчас это лишь раздражало Дун Чэна. Он хотел, чтобы охрана зашла внутрь под видом обычных посетителей, но табличка «Закрито» на дверях охладила его пыл. Пришлось менять план: он приказал людям заблокировать все выходы и ждать сигнала. Если через тридцать минут он не пришлет сообщение, они должны были ворваться силой.

Телохранители кивнули, и Дун Чэн вошел в бар.

Внутри оказалось меньше, чем он думал, и всё пространство было пропитано густым ароматом роз. Дун Чэн нахмурился, огляделся: света не было, лишь тусклые лампы у стен. В центре было слишком темно, и Дун Чэн достал телефон, чтобы подсветить путь. Но стоило ему зажечь экран, как сверху ударил луч прожектора. Свет прошелся по залу, освещая путь из красных роз, и остановился на сцене.

Дун Чэн повернулся на свет. В темноте он увидел высокую фигуру. Человек стоял на небольшой сцене с микрофоном, глядя в сторону Дун Чэна, но лишь на секунду. Заиграла музыка, и мужчина опустил голову, запев вкрадчивым голосом.

У этого человека осторожный характер, поэтому он учится улыбаться...

Это был не язык страны С, но Дун Чэн мгновенно перевел смысл в голове. Текст был немного приторным, но голос мужчины звучал мягко, словно он шептал что-то сокровенное, заставляя невольно приблизиться. Дун Чэн сделал шаг, и в этот момент мужчина слегка поднял голову, а голос стал страстнее.

Поэтому тот человек, как всегда, любит тебя...

Снова тот же дурак, снова тот же дурак, обними меня хоть раз, прежде чем уйти, можно?

Дун Чэн остановился. Человек на сцене встретился с ним взглядом, в котором сквозила сдерживаемая страсть. Он пел:

Я хочу получить твою любовь.

Каждый день только в сердце, только внутри,

Громко кричу, что тот человек сегодня

Снова рядом с тобой.

Среди роз на полу вспыхнули огоньки, красное море заискрилось серебром. В этом «звездном» свете Дун Чэн разглядел лицо. Мужчина смотрел на него, и голос его стал тише:

— Ты знаешь, что этот человек — я?

Неизвестно, из-за звездного света или нет, но глаза мужчины казались необычайно яркими, а в голосе слышалось ожидание и тревога, словно он спрашивал себя или Дун Чэна:

— Неужели ты знал, но все равно так поступал?

Дыхание Дун Чэна сбилось.

Музыка на мгновение затихла, а затем внезапно взметнулась ввысь. Мужчина на сцене больше не сдерживался, больше не был спокоен. Он взорвался, ожидание превратилось в жажду, он почти кричал:

Сколько еще? Сколько?

Все это время просто смотрел на тебя, одинокий...

Эта глупая любовь, эта любовь, похожая на ложь,

Если я продолжу, полюбишь ли ты меня?

...

Линь Сэнь закончил песню и подошел к Дун Чэну. Его голос, казалось, сжег всю его страсть и любовь, и даже после окончания в воздухе витали искры.

Если бы Дун Чэн и после этого не понял, кто такой «Городской лес» и что за чувства испытывает к нему Линь Сэнь, он был бы совсем дураком.

<http://bllate.org/book/22131/2305788>